

Даровских С. М.

ПРОЯВЛЕНИЕ ИДЕИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НЕ ИСКЛЮЧАЕТ ПРАВОВУЮ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ЕГО РЕШЕНИЙ

Darovskikh S. M.

THE MANIFESTATION OF THE IDEA OF CONSTITUTIONALISM IN THE ACTIVITIES OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION DOES NOT EXCLUDE THE LEGAL UNCERTAINTY OF ITS DECISIONS

В статье, наряду с положительным влиянием правовых позиций сформулированных Конституционным Судом РФ в своих Постановлениях и Определениях на правоприменительную практику и законотворческую деятельность, рассматриваются причины создания данными правовыми позициями, правовой неопределенности, оказывающей негативное воздействие на деятельность участников уголовного судопроизводства. Автор обращается к Постановлению Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 года №23-П «По делу о проверке конституционности положений ч.3-7 ст. 109 и ч.3 ст.237 УПК РФ в связи с жалобой гр. С.В.Махина» и правовым позициям, сформулированным данным судом в других решениях, касающихся возможности увеличения предельно допустимого срока содержания под стражей, указанного в статье 109 УПК РФ, приходит к выводу, что данными решениями возможность учета предельного срока содержания под стражей практически нивелирована.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, правовые позиции, неопределенность, права граждан.

The article, along with the positive influence of the legal positions formulated by the Constitutional Court of the Russian Federation in its Decisions and Definitions on law enforcement practice and legislative activity, considers the reasons for the creation of these legal positions, legal uncertainty that negatively affects the activities of participants in criminal proceedings. The author refers to the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 16, 2015 No. 23-P «In the case of the verification of the constitutionality of the provisions of parts 3-7 of article 109 and part 3 of article 237 of the Code of Criminal Procedure in connection with the complaint of gr. S.V. Makhina» and the legal positions formulated by this court in other decisions regarding the possibility of increasing the maximum permissible period of detention specified in Article 109 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, concludes that with these decisions the possibility of taking into account the maximum period of detention is practically leveled.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, legal positions, uncertainty, rights of citizens.

Сущность конституционализма заключается в приведении теории и практики организации государственной и общественной жизни в соответствие с национальной Конституцией. Основными идеями этого правового явления являются: разделения

различных ветвей государственной власти, приоритет человеческой личности и уважение ее достоинства, а наиболее эффективным средством обеспечения данной фундаментальной идеи признается высший конституционный контроль. И в этом ос-

новая роль принадлежит Конституционному Суду РФ и, соответственно, актам конституционного правосудия.

В целом сформулированные Конституционным Судом РФ правовые позиции позволяют правоприменителям и ученым достаточно успешно использовать те ориентиры, которые Конституционный Суд РФ определяет в своих решениях и поэтому их значение трудно переоценить. Как писал В.С. Шадрин «жизнь показывает, что решения Конституционного Суда в своей совокупности способны существенно влиять на формирование концепции уголовного судопроизводства» [12, с. 58-64]. Примером может служить правовая позиция Конституционного Суда РФ сформированная им в Постановлении от 15 октября 2018 года №36-П, обязывающая суд, «...в производстве которого находится возбужденное по заявлению потерпевшего или его законного представителя уголовное дело частного обвинения, обязан выяснить позицию обвиняемого относительно прекращения данного дела в связи с принятием закона, устраняющего преступность и наказуемость инкриминируемого ему деяния, и только при наличии его согласия вправе прекратить уголовное дело; в случае, если обвиняемый возражает против прекращения уголовного дела в связи с принятием закона, устраняющего преступность и наказуемость деяния, суд обязан рассмотреть данное дело по существу в рамках процедуры производства по делам частного обвинения и, исследовав имеющиеся доказательства, либо вынести оправдательный приговор, либо прекратить уголовное дело по указанному основанию» [8].

С другой стороны, правовые позиции Конституционного Суда РФ выявили ряд серьезных проблем, требующих решений в том числе и по вопросам, касающимся обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Причина этого заключается в том, что вынесенные Конституционным Судом РФ решения различны по своим результатам. В одних случаях они гармонично вписываются в правовое пространство, не породив негативных последствий [9], в других – правовые позиции Конституционного Суда РФ являются причиной проблем в применении норм целого института уголовно-процессуального права [10]. В одном случае это «мягкое» воздействие на уголовно-процессуальное регулирование уголовного производства, а в другом – «агрессивное» вмешательство. Оба названных решения принимались в одном и том же составе судей. Наиболее вероят-

ное объяснение кроется в ярко выраженном субъективизме правовых позиций судей Конституционного Суда РФ, получившее обобщенное закрепление в его решениях [2, с. 121-123].

Именно поэтому считаем целесообразным остановиться на тех узловых проблемах, которые все больше и больше высвечиваются при анализе деятельности Конституционного Суда РФ и его решений.

Характеризуя постановления и определения Конституционного Суда РФ, ученые отмечали, что его решения носят случайный характер, так как их принятие зависит от тех проблем, с которыми обращаются заявители. В этой связи представляется заслуживающим внимания мнение Г.А.Гаджиева, указывающего на то, что «принимая решения о признании нормативного акта неконституционным, т.е. создавая пробельность в правовом регулировании, Конституционный Суд РФ должен учитывать, не создает ли признание акта неконституционным большие проблемы, нежели его действие» [4, с. 24]. Отсутствие системности, последовательности в принятии решений создает дополнительные проблемы для правоприменителей, поскольку возникают противоречия норм закона, которые законодатель не всегда быстро устраняет.

В качестве примера можно привести ситуацию, связанную с вопросами реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве, когда Конституционный Суд РФ от полного отрицания возможности суда активно участвовать в судопроизводстве, постепенно перешел к противоположной правовой позиции. Аналогичная ситуация сложилась и с институтом возвращения уголовного дела прокурору. Мы прошли и через полный запрет на возвращение уголовных дел, и через установленный совершенно нереальный 5-дневный срок для устранения недостатков следствия, и в итоге практически вернулись к дополнительному расследованию, но обозначив это несколько иначе (для устранения препятствий рассмотрения уголовного дела в суде).

Причиной такой непоследовательности в решениях являются как организационные, так и сущностные недостатки в деятельности Конституционного Суда РФ. И совсем не убедительно мнение В.Д. Зорькина и поддерживающих данное мнение ученых, считающих, что проблемы в этом нет, так как правовые позиции КС РФ это «не застывшие» буквы конституционных велений, а «...живое и развивающееся конституционное право» [6].

Нам представляется, что одним из существенных недостатков в организации деятельности Конституционного Суда РФ является отсутствия механизма как отмены актов конституционного правосудия, так и их учета. Несмотря на то, что свою правовую позицию Конституционный Суд РФ уже успел изменить или подкорректировать, на момент разрешения спорного вопроса, действующими являются все решения данного судебного органа, принятые в разное время и с различным смыслом. Именно поэтому в научной литературе можно встретить мнение ученых что данный судебный орган не может обеспечить последовательность, стабильность и определенность своих решениях [3, с. 33]. Как мы ранее уже отмечали он не может и не должен этого делать, но, в тоже время, формулирование судебной правовой позиции требует продуманности, анализа не только собственно исследуемой статьи закона в аспекте её соответствия Конституции РФ, но и учет теоретических разработок ученых, что позволило бы избежать некоторых весьма спорных высказываний, которые сейчас можно встретить в решениях Конституционного Суда РФ и которые оказывают серьезное влияние на позиции и правоприменителей, и теоретиков [5, с. 179]. В качестве примера можно привести Постановление от 15 января 1999 года №1-П, где Конституционный Суд высказал весьма спорную как в то время, так и сейчас позицию о том, что «потерпевший по всем уголовным делам заинтересован в том, чтобы способствовать раскрытию преступления, установлению истины по делу, изобличению преступника и справедливому воздаянию за содеянное» [11]. Согласиться с таким утверждением сложно. Потерпевшие достаточно часто своим поведением провоцируют обвиняемого на совершение преступных действий, могут проявлять корыстную заинтересованность, увеличивая размер причиненного вреда и уже поэтому не заинтересованы в установлении истины по делу. Например, по уголовному делу о ДТП, потерпевший, заявляя гражданский иск, в смету расчета требуемой суммы включил сумму стоимости новых чехлов, хотя повреждения касались исключительно левого крыла машины [1].

Обращает внимание несвоевременная реакция законодателя на необходимость корректировки соответствующих положений закона, после признания их Конституционным Судом РФ неконституционными. Можно привести много примеров, когда дополнения и изменения в

закон вносятся спустя от 2 до 4 лет после признания соответствующих положений неконституционными.

Причина этого в том числе и в том, что в настоящее время не существует нормативных актов, которые обязывали бы законодателя, выполнять в кратчайшие сроки распоряжение Конституционного Суда, высказанное в его решении, а ответственность, установленная в ст. 81 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» за неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению решений Конституционного Суда РФ носит чисто декларативный характер и на законодателя не распространяется.

Правовую неопределенность решений Конституционного Суда РФ обеспечивает и отсутствие официальной публикации абсолютно всех Постановлений и Определений Конституционного Суда РФ, длительные задержки при сообщении о решениях Суда заявителям, (2 месяца и более после принятия решения), существование взаимоисключающих правовых позиций Конституционного Суда и Верховного Суда РФ.

Ученые и правоприменители перманентно выявляют недостатки правоприменительной практики, вызванные неоднозначным толкованием положений УПК РФ и нежеланием Конституционного Суда РФ обращаться к некоторым важным, но проблемным вопросам.

Один из таких проблемных и весьма важных вопросов, не нашедших своего решения, касается исчисления предельных сроков содержания под стражей.

В этой связи показательно постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 года № 23-П «По делу о проверке конституционности положений ч.3-7 ст.109 и ч.3 ст.237 УПК РФ в связи с жалобой гр. С.В.Махина», которым Конституционный Суд РФ установил, что «суд может продлить время содержания обвиняемого под стражей за рамками предельного срока в целях его ознакомления с материалами, полученными в результате проведения необходимых для устранения препятствий к судебному рассмотрению уголовного дела следственных и иных процессуальных действий, а по ходатайству обвиняемого или его защитника – и с иными материалами данного дела» и срок этот никак не определен и с обозначенным в ст. 109 УПК РФ предельным сроком не связан.

Такой формулировкой фактически была создана новая норма, которая уже не содержит никаких упоминаний о пре-

дельном сроке и поставившая под сомнение возможность использования такой категории как предельный срок.

Мнение Верховного суда по этому вопросу не улучшает ситуацию. В п.33 Постановления Пленума Верховного Суда от 19 декабря 2013 года №41 говорится, что «если имеются предусмотренные законом основания возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, в соответствии с частью 3 статьи 237 УПК РФ судье следует принять решение о мере пресечения в отношении обвиняемого, содержащегося под стражей, с указанием срока ее действия. При необходимости судья продлевает срок содержания обвиняемого под стражей для производства следственных и иных процессуальных действий с учетом сроков, предусмотренных ст. 109 УПК РФ».

И как результат, создавшаяся неопределенность правового регулирования данного вопроса, позволяет судам применять положения статьи 109 УПК РФ Российской Федерации в ее связи со статьей 237 УПК РФ таким образом, как будто отсчет и сроков предварительного следствия, и сроков содержания под

стражей, включая предельный (6, 12 и 18 месяцев), после возвращения дела прокурору начинается заново. Причем крайне важно подчеркнуть, что обвиняемый «расплачивается» в таких случаях не за свое негативное поведение, а исключительно за «недостатки предварительного следствия», т.е. за ошибки своего процессуального противника – стороны обвинения. И если ранее правоприменители все-таки исходили из предельного срока 18 месяцев, то сейчас любые сроки могут быть оправданы «разумностью» принимаемых решений и их «уважительностью».

Врядли такой подход послужит формированию единой правоприменительной практики, а гарантированное статьей 22 Конституции Российской Федерации право каждого на свободу и личную неприкосновенность будет реализовано. Полагаем, что единственный выход из этого неоднозначного положения достаточно корректно сформулировать в законе все возможные исключения из общего правила недопустимости продления максимально возможного срока (18 месяцев) заключения под стражу, но законодатель по этому поводу молчит.

Литература

1. Архив городского суда Челябинской области. Дело № 1-258/2018.
2. Батуев Н.В. Решения Конституционного Суда РФ в механизме уголовно-процессуального регулирования: дисс... канд. юрид. наук. – Ижевск, 2003. – С. 121-123.
3. Бурмагин С. Принцип состязательности в теории и судебной практике // Российская юстиция. – 2001. – № 5. – С. 33.
4. Гаджиев Г.А. Непосредственное применение судами конституционных норм // Российская юстиция. – 1995. – № 12. – С. 24.
5. Даровских С.М. Правовые позиции Конституционного Суда РФ, касающиеся реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве. – М: Юрлитинформ, 2011. – С. 179.
6. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в 21 веке. – М.: Норма, 2008. С. 132-133.
7. Османова З.С. Концепция «живой» Конституции в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-zhivoy-konstitutsii-v-pravovyh-pozitsiyah-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii/viewer>
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 октября 2018 года № 36-П «О проверке конституционности ч. 1 ст. 10 Уголовного кодекса РФ, ч. 2 ст. 24, ч. 2 ст. 27, ч. 1 ст. 239 и п. 1 ст. 254 УПК РФ в связи с жалобой гр-ки А.И. Тихомоловой» // Режим доступа: <https://tinao.msk.mvd.rf/document/15029318>
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июня 1996 года № 14-П «По делу о проверке конституционности ч. 5 ст. 97 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В. Щелухина» // СЗ РФ. – 1996. – № 26. – Ст. 3185.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 года № 19-П «По делу о проверке конституционности ст. 418 УПК РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // СЗ РФ. – 1996. – № 50. – Ст. 5679.
11. Постановление от 15 января 1999 года № 1-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 и 2 ст. 295 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Ключева» // СЗ РФ. – 1999. – № 4. – Ст. 602.
12. Шадрин В.С. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в теории и практике уголовно-процессуального регулирования // Криминалистика. – 2013. – № 2(13). – С. 58-64.

References

1. Arkhiv gorodskogo suda Chelyabinskoy oblasti. Delo № 1-258/2018.
2. Batuyev N.V. Resheniya Konstitutsionnogo Suda RF v mekhanizme ugolovno-

- protsessual'nogo regulirovaniya: diss...kand. jurid. nauk. – Izhevsk, 2003. – S. 121-123.
3. Burmagin S. Printsip sostyazatel'nosti v teorii i sudebnoy praktike // Rossiyskaya yustitsiya. – 2001. – № 5. – S. 33.
4. Gadzhiyev G.A. Neposredstvennoye primeneniye sudami konstitutsionnykh norm // Rossiyskaya yustitsiya. – 1995. – № 12. – S. 24.
5. Darovskikh S.M. Pravovyye pozitsii Konstitutsionnogo Suda RF, kasayushchiesya realizatsii printsipa sostyazatel'nosti v ugovnom sudoproizvodstve. – M: Yurlitinform, 2011. – S. 179.
6. Zor'kin V.D. Rossiya i Konstitutsiya v 21 veke. – M.: Norma, 2008. S. 132-133.
7. Osmanova Z.S. Kontseptsiya «zhivoy» Konstitutsii v pravovykh pozitsiyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii // Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-zhivoy-konstitutsii-v-pravovykh-pozitsiyakh-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii/viewer>
8. Postanovlenii Konstitutsionnogo Suda RF ot 15 oktyabrya 2018 goda № 36-P «O proverke konstitutsionnosti ch. 1st. 10 Ugolovnogo kodeksa RF, ch. 2 st. 24, ch. 2 st. 27, ch. 1 st. 239 i p. 1 st. 254 UPK RF v svyazi s zhaloboy gr-ki A.I. Tikhomolovoy» // Rezhim dostupa: <https://tinao.msk.mvd.rf/document/150293189>
9. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 13 iyunya 1996 goda № 14-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti ch. 5 st. 97 UPK RSFSR v svyazi s zhaloboy grazhdanina V.V. Shchelukhina» // SZ RF. – 1996. – № 26. – St. 3185.
10. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 28 noyabrya 1996 goda № 19-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti st. 418 UPK RSFSR v svyazi s zaprosom Karatuzskogo rayonnogo suda Krasnoyarskogo kraya» // SZ RF. – 1996. – № 50. – St. 5679.
11. Postanovleniye ot 15 yanvarya 1999 goda № 1-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy ch. 1 i 2 st. 295 UPK RSFSR v svyazi s zhaloboy grazhdanina M.A. Klyuyeva» // SZ RF. – 1999. – № 4. – St. 602.
12. Shadrin V.S. Resheniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii v teorii i praktike ugovno-protsessual'nogo regulirovaniya // Kriminalist". – 2013. – № 2(13). – S. 58-64.

ДАРОВСКИХ Светлана Михайловна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности Челябинского государственного университета, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129. E-mail: darsvet@mail.ru

DAROVSKIKH Svetlana, Doctor of Law, Professor, Professor Department of Criminal Procedure and Expert Activity, Chelyabinsk State University, 454001, Chelyabinsk, ul. Brat'evKashirinikh, d. 129. E-mail: darsvet@mail.ru

